
КРОССКУЛЬТУРНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОДУКТИВНОГО КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ В ПРОБЛЕМНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ¹

© 2016 г. В. Ю. Хотинец*, Я. П. Коробейникова**

** Заслуженный деятель науки УР, доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой общей психологии Института педагогики, психологии и социальных технологий,
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск;*

e-mail: khotinets@mail.ru

*** Аспирант, там же;*

e-mail: yana.korobeynikova@bk.ru

Рассматриваются копинг-механизмы как способы реализации поведения по преодолению трудной жизненной ситуации в согласовании копинг-стратегий с резервными и ресурсными возможностями человека. Проверялась гипотеза о том, что характер отношений между ресурсными возможностями и копинг-стратегиями этнических субъектов выражается в этнотипических особенностях совладающего поведения ($N = 168$, удмурты и русские). Представлены результаты исследования механизмов продуктивного копинг-поведения: усиления, ингибирования, снятия, компенсации, вскрывающих актуализацию потенциальных возможностей совладания (психодинамических, личностных и социально-психологических свойств) в качестве функционального резерва, субъектного и интересубъектного ресурсов в проблемной ситуации культурной коммуникации. Показан компенсаторный механизм потенциала продуктивной культурной коммуникации в проблемной ситуации по инверсионному типу (инверсионного балансирования потенциала, резерва и ресурсов совладания).

Ключевые слова: культурная коммуникация, продуктивное копинг-поведение, потенциал, резервы и ресурсы совладания, продуктивные копинг-стратегии, копинг-механизмы, культурная обусловленность копинга, удмурты, русские.

Создание индустрии и экономики информации, безусловно, является показателем постиндустриального развития современного общества, его информационной культуры. Но при этом результатом процесса информатизации становится такое информационное общество, где с помощью массированного распространения специально подготовленной информации могут манипулировать аудиторией, погружая ее в состояние эфемерности, с целью сконструировать картину мира, отвечающую запросам “заказчиков”. А если предметом манипуляции становятся межнациональные отношения, то в этом случае в сознание внедряется образ врага, организующий толпу на целенаправленные действия, обеспечивающие жизнь с разрушением целостности

Мира и уничтожением “других”, а в действительности “своих”, связанных единым происхождением, родственными языками и культурными доменами [26].

В этом контексте ставится вопрос о потенциальных возможностях и психологических ресурсах совладания с проблемными ситуациями в сложных реалиях современного общества, психологических механизмах копинга, наделяющих субъекта эффективными способами решения проблем во взаимоотношениях с “другими”, тем самым защищающих от информационной экспансии с навязанной идеологией и политической стигматизацией.

Как отмечает К.А. Абульханова [1, с. 11, 15], субъекту присуща способность интегрировать в себе возможности использования, актуализации своего личностного потенциала: опыта, знаний, социального мышления, духовной культуры,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-13-18001а(р)), РНФ (проект № 15-18-00049).

обеспечивать решение противоречий своими силами, способностями – активностью, сознанием, составляющих личностный ресурс. Духовная культура является фундаментальным основанием становления человека, в ней заложены сущностные силы и родовой потенциал человечества, ценности, воплощающие в себе наиболее продуктивные формы взаимодействия человека с миром, способы смыслового регулирования человеческой жизнедеятельности по логике жизненной необходимости [11, 24, 31, 34]. В критических ситуациях неустойчивого состояния общества культура снабжает своим ресурсом [10, 34], вооружая человека действенными и результативными способами совладания с трудностями, заложенными в социотипических моделях поведения [3, 23, 27], тем самым обеспечивая безопасность жизнедеятельности.

В психологической науке совладающее поведение рассматривается как осознанное целенаправленное поведение субъекта по преодолению трудной жизненной ситуации с использованием способов, адекватных личностным диспозициям и ситуации совладания [7, 32]. Обеспечивающее повышение результативности деятельности продуктивное копинг-поведение актуализируется не только за счет усиливающегося эффекта адаптивных копинг-стратегий, но и в силу ресурсных возможностей субъекта (см. [22, 28, 30]).

Особый интерес представляют кросскультурные исследования совладания с трудностями в межкультурном взаимодействии, изучение культуроспецифических особенностей совладающего поведения [8, 9]. Наряду с личностными (диспозиционными), ситуационными (динамическими) и регулятивными, к факторам совладающего поведения относят социокультурные, задающие контекст и границы социальной интерпретации и восприятия стресса, а также возможности социальной поддержки и социально приемлемые способы совладания [20, с. 9–10; 22, с. 47–48].

В нашем исследовании трехкомпонентная модель регуляции поведения в трудной ситуации включает в себя потенциал, резервы и ресурсы, подключающиеся на разных уровнях реализации и регуляции субъектной активности и в синергичном эффекте обеспечивающие продуктивное поведение [4, 18, 21, 22]. Потенциал очерчивает масштаб регулятивных возможностей человека и направление их реализации, объединяя в себе психодинамические, личностные и социально-психологические свойства (см. [14]). При переходе от возможного к действительному потенциальные возможности становятся актуально действующим

функциональным резервом (энергодинамической основой психической деятельности) и ресурсом (субъектным, интерсубъектным), обеспечивающими реализацию и регуляцию субъектной активности в ситуациях вызова (см. [22, с. 100–112]). В зависимости от уровня субъектной регуляции, преобладающего или синергичного действия факторов структурные компоненты совладающего поведения функционируют в эмоциональной, когнитивной, поведенческой сферах [20, с. 125].

Известно, что эффективность копинга определяется успешностью решения копинг-задач, “исходом” или последствием выбранного способа копинга, в том числе качеством и количеством использованных при этом ресурсов субъекта, а также возможностью их восстановления [там же]. Считаем, что не менее важным фактором продуктивности совладания является *согласованность ресурсообеспеченности (резервных/ресурсных возможностей) субъекта с организацией копинг-действий*. Согласно положению о ресурсном характере контроля поведения [18], активность человека в совладании регулируется резервами организма и психическими ресурсами.

В трудных ситуациях, предъявляющих наиболее высокие требования к системе ресурсов человека [22, с. 66–76], активность “вскрывает” в субъекте собственные ресурсные возможности для осуществления сознательного выбора способов индивидуальной регуляции (см. [17]).

Цель исследования – выявление психологических механизмов продуктивного копинг-поведения в проблемной ситуации культурной коммуникации. В работе были выдвинуты следующие *гипотезы*: 1) механизмы продуктивного копинг-поведения, запускающиеся при переходе от потенциальной к действительной (актуальной) возможности совладания с трудностями, согласуют ресурсообеспеченность (функциональный резерв, субъектный, интерсубъектный ресурс) с копинг-стратегиями; 2) характер отношений между ресурсными возможностями и копинг-стратегиями выражается в этнотипических особенностях совладающего поведения.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие *задачи*:

1. Определить потенциальные возможности (психодинамические, личностные и социально-психологические свойства) этнических субъектов с высокой и низкой активностью преодоления трудностей в культурной коммуникации.

2. Установить продуктивные копинг-стратегии этнических субъектов с высокой и низкой актив-

ностью преодоления трудностей в культурной коммуникации.

3. Выявить вероятность выбора продуктивных копинг-стратегий респондентами с высокой и низкой активностью преодоления трудностей в культурной коммуникации в связи с их резервными и ресурсными возможностями.

МЕТОДИКА

Участники исследования. 168 студентов в возрасте 17–22 лет ($Med = 19$), обучающиеся в Удмуртском государственном университете на факультетах удмуртской филологии (85 студентов (из них 77 женщин), принадлежащих к удмуртской этногруппе) и русской филологии (83 студента, из них 75 женщин), принадлежащих к русской этногруппе). Выборки гомогенны по территориальному признаку (большая часть студентов в обеих группах проходила первичную социализацию в сельской местности). Этническая идентичность обследованных определялась по самоотчетам с учетом объективных и субъективных признаков.

Методики.

1. Для диагностики особенностей поведения в ситуациях, связанных с появлением трудностей, помех, препятствующих достижению цели, применялся *тест рисуночной фрустрации Розенцвейга* (*Picture Frustration Study S. Rozenzweig*) [19, с. 543–564]. Проводились две серии эксперимента, в каждой из которых предъявляемый диагностический материал сопровождался инструкцией. В первом случае респондентам было предложено представить себя в ситуации взаимодействия с представителями своей этногруппы (внутрикультурная коммуникация), во втором – с представителями другой этногруппы (межкультурная коммуникация).

2. Для выявления функционального резерва в проблемной ситуации культурной коммуникации применялся *опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В.М. Русалова* [16].

3. Для исследования субъектного ресурса в проблемной ситуации культурной коммуникации применялся *тест суждений А.И. Крупнова* [15, с. 241–251].

4. Для выявления интересубъектного ресурса в проблемной ситуации культурной коммуникации применялся *метод диагностики межличностных отношений (адаптированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири)* [19, с. 632–640].

5. Для диагностики поведения в конфликтной ситуации применялась методика *К.Н. Томаса* [19, с. 603–606].

6. Для выявления копинг-механизмов была использована *методика психологической диагностики копинг-стратегий Е. Хайма* [6, с. 282–286].

Результаты исследования обрабатывались посредством процедур математической статистики: описательная статистика, методы анализа достоверности различий по критерию Манна–Уитни, факторный анализ методом главных компонент путем вращения матрицы по типу *Varymax*, регрессионный анализ (метод бинарной логистической регрессии). Обработка данных осуществлялась с помощью программы *SPSS 11.5 for Windows*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Активность преодоления трудностей. По результатам двух серий эксперимента с использованием теста Розенцвейга участники исследования были разделены на группы по критерию активности преодоления трудностей:

1. С “высокой активностью преодоления трудностей” во внутрикультурной и межкультурной коммуникации (условно названные *высокоактивные*). Направленность реакции: интрапунитивные реакции в форме принятия на себя ответственности за разрешение конфликтной ситуации или удовлетворения ситуативно возникшей потребности (*i*). Тип реакции: потребностно-настойчивые/разрешающие/с фиксацией на удовлетворении потребности. Индекс самостоятельности – 3.43.

2. С “низкой активностью преодоления трудностей” во внутрикультурной и межкультурной коммуникации (условно названные *низкоактивные*). Направленность реакции: экстрапунитивные реакции в форме явного подчеркивания наличия препятствия или состояния затруднения (E'), в форме агрессии, открытого порицания или обвинений в сторону партнера по ситуации (E'), в форме перекладывания ответственности за разрешение проблемы на плечи партнера по ситуации (e); интрапунитивные реакции в форме интерпретации затруднения как блага или заслуженного наказания за причиненные другим неприятности или свои недостатки (I'), в форме признания собственной виновности или ответственности за возникновение фрустрирующей ситуации и доставленные другим неудобства (I). Тип реакции: препятственно-доминантные/с фиксацией на препятствии; эго-защитные/с фиксацией на самозащите. Индекс самостоятельности – 1.54.

Результаты первой серии (внутрикультурная ситуация): *высокоактивные* – 31 человек, *низкоактивные* – 35 человек в удмуртской выборке; *высокоактивные* – 32 человека, *низкоактивные* – 30 человек в русской выборке. Результаты второй серии (межкультурная ситуация): *высокоактивные* – 33 человека, *низкоактивные* – 36 человек в удмуртской выборке; *высокоактивные* – 34 человека, *низкоактивные* – 31 человек в русской выборке.

Потенциальные возможности (психодинамические, личностные и социально-психологические свойства) этнических субъектов с высокой и низкой активностью преодоления трудностей в культурной коммуникации. Для применения критерия *U* Манна–Уитни в ряд исследуемых показателей помимо активностно-специфических свойств в коммуникативной сфере были намеренно включены темпераментальные шкалы моторной и интеллектуальной сфер методики В.М. Русалова. Расширение потенциала было необходимо для решения третьей задачи – выявления копинг-механизмов в проблемной ситуации коммуникации, строящихся на синергичном и компенсаторном эффектах (согласованности и равновесности) в отношениях между резервными и ресурсными возможностями субъекта.

В результате обнаружено, что все *высокоактивные* респонденты в проблемных ситуациях с представителями своей этногруппы получили более высокие значения (чем с представителями других этногрупп) по шкалам темперамента, определяющие выраженность коммуникативной активности: Индекса коммуникативной активности ($U = 1651.50$; $p = 0.032$) и “эргичности коммуникативной” ($U = 1570.50$; $p = 0.012$). При этом у *высокоактивных* удмуртов в отношениях со “своими” выше значения Индекса коммуникативной активности ($U = 355.50$; $p = 0.035$), “эргичности коммуникативной” ($U = 329.00$; $p = 0.014$), “скорости коммуникативной” ($U = 364.50$; $p = 0.048$), “пластичности моторной” ($U = 359.50$; $p = 0.041$) и ниже “социоцентричности” ($U = 365.50$; $p = 0.049$), “покорно-застенчивого типа межличностных отношений” ($U = 360.50$; $p = 0.041$), чем с “другими”. В свою очередь *высокоактивные* русские в проблемной внутрикультурной коммуникации отличаются завышенными показателями “интернальности” ($U = 389.50$; $p = 0.047$) и “приспособления” ($U = 388.50$; $p = 0.044$), чем в межкультурной. Отметим, что проведенные процедуры с показателями в группах *низкоактивных* статистически значимых различий не выявили.

В результате применения факторного анализа показателей было выявлено по шесть факторов в каж-

дой группе, описывающих в отдельности от 60.62% до 71.07% дисперсии. Факторы получили название в соответствии с наименованием переменной, принявшей на себя максимальную факторную нагрузку, что позволило создать конструкт потенциальной возможности (потенциала) преодоления препятствий в культурной коммуникации. Сводные результаты факторного анализа представлены в табл. 1.

По результатам факторизации показателей обнаружено, что коммуникативная активность (интегральный показатель формально-динамических свойств) может рассматриваться как психодинамический потенциал этнических субъектов в разрешении проблемных ситуаций во внутрикультурной коммуникации. В межкультурной коммуникации потенциальной возможностью преодоления трудностей у *низкоактивных* главным образом выступает “ответственно-великодушный тип межличностных отношений” (социально-психологический потенциал), а у *высокоактивных* – “сотрудничающий-конвенциальный” (социально-психологический потенциал) и “эмоциональность” (чувствительность к ранее неизвестным ситуациям с возможным негативным исходом, избегание негативных ситуаций за счет тщательной подготовки к предстоящим событиям) (психодинамический потенциал). К личностному потенциалу в преодолении коммуникативных барьеров в отношениях с “другими” подключились “эгоцентричность” (личностная автономия) у удмуртов и “социоцентричность” (открытость) – у русских.

Копинг-стратегии этнических субъектов с высокой и низкой активностью преодоления трудностей в культурной коммуникации. По результатам частотного анализа были выявлены наиболее предпочитаемые в выборе копинг-стратегии *высокоактивных* и *низкоактивных* в проблемной ситуации внутрикультурной и межкультурной коммуникации с учетом медианы (см. табл. 2, табл. 3).

По результатам частотного анализа (см. табл. 2, 3) установлен преимущественный выбор в проблемных ситуациях стратегии “оптимизм” (эмоциональная, адаптивная) всеми участниками исследования независимо от этнокультурной принадлежности и направленности взаимодействия.

С представителями своей этногруппы в совладании с трудностями все участники исследования в большей мере предпочитают “сотрудничество” (поведенческая, адаптивная). Вместе с тем в группе *высокоактивных* удмурты пытаются переоценить ситуацию относительно других, у которых может быть все гораздо хуже (“относительность” (когнитивная, относительно адаптивная)), русские стараются со-

Таблица 1. Сводные результаты факторного отображения показателей психодинамических, личностных и социально-психологических свойств *высокоактивных* и *низкоактивных* во внутрикультурной и межкультурной коммуникации

Потенциал (психодинамические, личностные и социально-психологические свойства)					
ФАКТОРЫ	Факторная нагрузка	Доля объясненной дисперсии (%)	ФАКТОРЫ	Факторная нагрузка	Доля объясненной дисперсии (%)
Удмурты <i>высокоактивные</i> со “своими”			Удмурты <i>высокоактивные</i> с “другими”		
I. Индекс психомоторной активности	−0.76	12.53	I. Пластичность интеллектуальная	0.84	12.86
II. Индекс коммуникативной активности	0.92	11.68	II. Эгоцентричность	0.73	10.78
III. Стеничность	0.81	11.64	III. Индекс общей эмоциональности	0.85	10.26
IV. Осведомлённость	0.92	10.51	IV. Сотрудничающий-конвенциональный тип межличностных отношений	0.74	9.86
V. Властный-лидирующий тип межличностных отношений	0.86	7.87	V. Оперативные трудности	0.83	9.11
VI. Зависимый-послушный тип межличностных отношений	0.72	7.49	VI. Сотрудничество	0.76	7.75
Удмурты <i>низкоактивные</i> со “своими”			Удмурты <i>низкоактивные</i> с “другими”		
I. Индекс коммуникативной активности	0.94	15.39	I. Эгоцентричность	0.83	13.46
II. Эгоцентричность	0.87	14.52	II. Пластичность интеллектуальная	0.85	12.10
III. Осведомлённость	0.81	12.19	III. Личностные трудности	0.83	11.32
IV. Индекс психомоторной активности	0.93	9.37	IV. Ответственно-великодушный тип межличностных отношений	0.76	9.06
V. Индекс общей эмоциональности	0.89	8.92	V. Скорость коммуникативная	0.79	7.63
VI. Прямолинейный-агрессивный тип межличностных отношений	0.82	6.61	VI. Эмоциональность психомоторная	0.84	7.61
Русские <i>высокоактивные</i> со “своими”			Русские <i>высокоактивные</i> с “другими”		
I. Индекс коммуникативной активности	0.86	16.76	I. Личностные трудности	−0.79	14.79
II. Индекс общей эмоциональности	0.89	12.40	II. Сотрудничающий-конвенциональный тип межличностных отношений	0.82	11.99
III. Индекс интеллектуальной активности	0.79	11.85	III. Индекс общей эмоциональности	0.92	10.29
IV. Индекс психомоторной активности	0.88	11.26	IV. Социоцентричность	0.80	9.79

Таблица 1 (окончание)

Потенциал (психодинамические, личностные и социально-психологические свойства)					
ФАКТОРЫ	Факторная нагрузка	Доля объясненной дисперсии (%)	ФАКТОРЫ	Факторная нагрузка	Доля объясненной дисперсии (%)
V. Интернальность	0.87	9.68	V. Индекс психомоторной активности	0.89	9.04
VI. Приспособление	0.75	7.13	VI. Приспособление	-0.64	6.39
Русские <i>низкоактивные</i> со “своими”			Русские <i>низкоактивные</i> с “другими”		
I. Осмысленность	0.82	17.67	I. Индекс общей активности	0.94	14.03
II. Индекс общей эмоциональности	0.90	17.55	II. Социоцентричность	0.74	12.05
III. Индекс психомоторной активности	0.77	10.35	III. Субъектность	0.84	10.61
IV. Независимый-доминирующий тип межличностных отношений	0.88	9.95	IV. Индекс общей эмоциональности	0.91	9.88
V. Индекс коммуникативной активности	0.78	9.47	V. Ответственно-великодушный тип межличностных отношений	0.85	9.58
VI. Приспособление	0.77	6.08	VI. Независимый-доминирующий тип межличностных отношений	0.79	8.42

хранить самообладание, не показывая своих переживаний на обозрение окружающим (когнитивная, адаптивная). В группе *низкоактивных* удмурты стремятся изолироваться, не допуская проявлений своих чувств, адекватных ситуации (“подавление эмоций” (эмоциональная, неадаптивная)), русские уединяются, пребывая в спокойном состоянии, прагматично размышляя о себе и своих интересах (“отступление” (поведенческая, неадаптивная)).

С представителями других этногрупп *высокоактивные* могут позволить себе временно отойти от решения проблем, переключаясь на другую сферу жизнедеятельности (“отвлечение” (поведенческая, относительно адаптивная)), тогда как *низкоактивные* пытаются угрозу компенсировать удовлетворением собственных потребностей и желаний, доставляющих удовольствие и наслаждение (“компенсация” (поведенческая, относительно адаптивная)).

Вместе с тем удмурты *высокоактивные* стремятся анализировать проблему и ее последствия, принять взвешенное решение (“проблемный анализ” (когнитивная, адаптивная)). В случае деструктивного исхода они легко могут возложить вину на себя и покорно принять тяжелую участь (“само-

обвинение” (эмоциональная, неадаптивная)). Русские *высокоактивные* ориентированы на поиск эмоциональной поддержки, для них главное быть выслушанными, встретить содействие и понимание со стороны других (“обращение” (поведенческая, адаптивная)). В свою очередь *низкоактивные* во взаимодействии с “другими” чаще всего выбирают непродуктивные копинг-стратегии, такие как “подавление эмоций” (эмоциональная), “диссимуляция” (когнитивная), “самообвинение” (эмоциональная), “активное избегание” (поведенческая).

Вероятность выбора копинг-стратегий респондентами с высокой и низкой активностью преодоления трудностей в культурной коммуникации в связи с их резервными и ресурсными возможностями. В результате проведения процедуры бинарной логистической регрессии были получены значения коэффициентов и константы уравнений для определения вероятности выбора копинг-стратегий в зависимости от выраженности отдельных факторов: психодинамического, личностного и социально-психологического потенциала этнических субъектов в проблемной ситуации культурной коммуникации. Полученные регрессионные модели в целом и отдельные ее коэффи-

Таблица 2. Частота выбора копинг-стратегий у *высокоактивных* во внутрикультурной и межкультурной коммуникации

Внутрикультурная коммуникация			Межкультурная коммуникация		
Копинг-стратегии	Ориентирование копинг-стратегии и степень ее адаптивности	Частота выбора	Копинг-стратегии	Ориентирование копинг-стратегии и степень ее адаптивности	Частота выбора
Оптимизм	эмоциональная (адаптивная)	28	Оптимизм	эмоциональная (адаптивная)	24
Сотрудничество	поведенческая (адаптивная)	17	Отвлечение	поведенческая (относительно адаптивная)	16
Отвлечение	поведенческая (относительно адаптивная)	13	Проблемный анализ	когнитивная (адаптивная)	12
Сохранение самообладания	когнитивная (адаптивная)	12	Самообвинение	эмоциональная (неадаптивная)	10
Проблемный анализ	когнитивная (адаптивная)	11	Сотрудничество	поведенческая (адаптивная)	10
Относительность	когнитивная (относительно адаптивная)	10	Диссимуляция	когнитивная (неадаптивная)	9
Обращение	поведенческая (адаптивная)	9	Компенсация	поведенческая (относительно адаптивная)	9
Подавление эмоций	эмоциональная (неадаптивная)	8	Обращение	поведенческая (адаптивная)	9
Пассивная кооперация	эмоциональная (относительно адаптивная)	7	Сохранение самообладания	когнитивная (адаптивная)	8
Альтруизм	поведенческая (адаптивная)	7	Относительность	когнитивное (относительно адаптивная)	8
			Отступление	поведенческая (неадаптивная)	8
			Протест	эмоциональная (адаптивная)	7

циенты статистически значимы ($p < 0.05$). При положительном коэффициенте регрессии величина R^2 Нейджелкерка составляет от 0.202 до 0.689, при отрицательном – от 0.201 до 0.699. Корректность прогнозирования моделей – от 68.8% до 97.1%. В установлении вероятности выбора тех или иных копинг-стратегий при фиксированных прочих переменных учитывались значения $Exp(B)$.

Характер отношений между переменными потенциала и копинг-стратегиями в регрессионном уравнении выражает переход потенциальных возможностей в актуальные, а именно переход психодинамического потенциала в функциональный резерв, личностного – в субъектный ресурс, социально-психологического – в интересубъектный ресурс совладания с трудностями. Таким образом, выявляются функционально-целевые копинг-механизмы совладания с трудностями в проблемной ситуации культурной коммуникации определенным способом

в зависимости от резервных и ресурсных возможностей человека. Функционально-целевое назначение копинг-механизмов заключается в поддержании и сохранении баланса между требованиями коммуникативной среды и резервами/ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям (см. [29, 30, 32]).

Итак, установлены:

1. Эффективные копинг-механизмы:

1) Повышение вероятности выбора адаптивных стратегий:

– механизм усиления (например, табл. 4),

2) Понижение вероятности выбора неадаптивных стратегий:

– механизм ингибирования (например, табл. 5);

2. Конструктивные копинг-механизмы:

1) Повышение вероятности выбора относительно адаптивных стратегий:

Таблица 3. Частота выбора копинг-стратегий у *низкоактивных* во внутрикультурной и межкультурной коммуникации

Внутрикультурная коммуникация			Межкультурная коммуникация		
Копинг-стратегии	Ориентирование копинг-стратегии и степень ее адаптивности	Частота выбора	Копинг-стратегии	Ориентирование копинг-стратегии и степень ее адаптивности	Частота выбора
Оптимизм	эмоциональная (адаптивная)	24	Компенсация	поведенческая (относительно адаптивная)	22
Сотрудничество	поведенческая (адаптивная)	23	Оптимизм	эмоциональная (адаптивная)	20
Отвлечение	поведенческая (относительно адаптивная)	13	Проблемный анализ	когнитивная (адаптивная)	18
Эмоциональная разрядка	эмоциональная (относительно адаптивная)	13	Подавление эмоций	эмоциональная (неадаптивная)	14
Проблемный анализ	когнитивная (адаптивная)	12	Диссимуляция	когнитивная (неадаптивная)	13
Отступление	поведенческая (неадаптивная)	12	Отвлечение	поведенческая (относительно адаптивная)	9
Придание смысла	когнитивная (относительно адаптивная)	11	Самообвинение	эмоциональная (неадаптивная)	9
Подавление эмоций	эмоциональная (неадаптивная)	9	Активное избегание	поведенческая (неадаптивная)	9
Сохранение самообладания	когнитивная (адаптивная)	8	Протест	эмоциональная (адаптивная)	8
Диссимуляция	когнитивная (неадаптивная)	7	Сохранение самообладания	когнитивная (адаптивная)	8
Религиозность	когнитивная (относительно адаптивная)	7	Сотрудничество	поведенческая (адаптивная)	8
			Покорность	эмоциональная (неадаптивная)	7

Таблица 4. Коэффициенты уравнения бинарной логистической регрессии для определения вероятности выбора копинг-стратегии “протест” в зависимости от факторов (предикторов) в группе русских *высокоактивных* в межкультурном взаимодействии

		<i>B</i> (коэффициент регрессии)	<i>S.E.</i> (стандартная ошибка)	<i>Wald</i> (Вальдовский)	<i>Sig.</i> (Значимость)	<i>Exp(B)</i>
Шаг 1 ^а	Фактор 3	1.687	0.794	4.514	0.034*	5.404
	Константа	-2.878	0.909	10.030	0.002	0.056

Примечание: 1. переменные, вводимые на шаге 1: фактор 3 – “индекс общей эмоциональности”; 2. * – значение коэффициента регрессии статистически значимо ($p < 0.05$); R^2 Нейджелкера – 0.366.

Таблица 5. Коэффициенты уравнения бинарной логистической регрессии для определения вероятности выбора копинг-стратегии “самообвинение” в зависимости от факторов (предикторов) в группе удмуртов *высокоактивных* в межкультурном взаимодействии

		<i>B</i> (коэффициент регрессии)	<i>S.E.</i> (стандартная ошибка)	<i>Wald</i> (Вальдовский)	<i>Sig.</i> (Значимость)	<i>Exp(B)</i>
Шаг 1 ^а	Фактор 4	-1.851	0.729	6.456	0.011*	0.157
	Константа	-2.050	0.713	8.253	0.004	0.129
Шаг 2 ^б	Фактор 4	-2.516	0.999	6.346	0.012*	0.081
	Фактор 5	-2.217	1.014	4.777	0.029*	0.109
	Константа	-3.360	1.342	6.273	0.012	0.035

Примечание: 1. а) переменные, вводимые на шаге 1: фактор 4 – “сотрудничающий-конвенциональный”, б) переменные, вводимые на шаге 2: фактор 5 – “оперативные трудности”; 2. * – значение коэффициента регрессии статистически значимо ($p < 0.05$); R^2 Нейджелкера – 0.699.

Таблица 6. Коэффициенты уравнения бинарной логистической регрессии для определения вероятности выбора копинг-стратегии “компенсация” в зависимости от факторов (предикторов) в группе русских *низкоактивных* в межкультурном взаимодействии

		<i>B</i> (коэффициент регрессии)	<i>S.E.</i> (стандартная ошибка)	<i>Wald</i> (Вальдовский)	<i>Sig.</i> (Значимость)	<i>Exp(B)</i>
Шаг 1 ^а	Фактор 1	0.930	0.464	4.016	0.045*	2.535
	Константа	−1.042	0.450	5.374	0.020	0.353

Примечание: 1. переменные, вводимые на шаге 1: фактор 1 – “индекс общей активности”; 2. * – значение коэффициента регрессии статистически значимо ($p < 0.05$); R^2 Нейджелкерка – 0.202.

Таблица 7. Коэффициенты уравнения бинарной логистической регрессии для определения вероятности выбора копинг-стратегии “сохранение самообладания” в зависимости от факторов (предикторов) в группе удмуртов *высокоактивных* во внутрикультурном взаимодействии

		<i>B</i> (коэффициент регрессии)	<i>S.E.</i> (стандартная ошибка)	<i>Wald</i> (Вальдовский)	<i>Sig.</i> (Значимость)	<i>Exp(B)</i>
Шаг 1 ^а	Фактор 6	−1.698	0.875	3.761	0.05*	0.183
	Константа	−2.779	0.990	7.881	0.005	0.062

Примечание: 1. переменные, вводимые на шаге 1: фактор 6 – “зависимый-послушный”; 2. * – значение коэффициента регрессии статистически значимо ($p < 0.05$); R^2 Нейджелкерка – 0.324.

Таблица 8. Коэффициенты уравнения бинарной логистической регрессии для определения вероятности выбора копинг-стратегии “проблемный анализ” в зависимости от факторов (предикторов) в группе русских *высокоактивных* в межкультурном взаимодействии

		<i>B</i> (коэффициент регрессии)	<i>S.E.</i> (стандартная ошибка)	<i>Wald</i> (Вальдовский)	<i>Sig.</i> (Значимость)	<i>Exp(B)</i>
Шаг 1 ^а	Фактор 4	−2.206	0.913	5.835	0.016*	0.110
	Константа	−3.484	1.207	8.327	0.004	0.031

Примечание: 1. переменные, вводимые на шаге 1: фактор 4 – “социоцентричность”; 2. * – значение коэффициента регрессии статистически значимо ($p < 0.05$); R^2 Нейджелкерка – 0.527.

Таблица 9. Коэффициенты уравнения бинарной логистической регрессии для определения вероятности выбора копинг-стратегии “пассивная кооперация” в зависимости от факторов (предикторов) в группе русских *высокоактивных* в межкультурном взаимодействии

		<i>B</i> (коэффициент регрессии)	<i>S.E.</i> (стандартная ошибка)	<i>Wald</i> (Вальдовский)	<i>Sig.</i> (Значимость)	<i>Exp(B)</i>
Шаг 1 ^а	Фактор 6	1.599	0.646	6.119	0.013*	4.947
	Константа	−2.472	0.754	10.745	0.001	0.084
Шаг 2 ^б	Фактор 3	−3.644	1.893	3.707	0.05*	0.026
	Фактор 6	3.796	1.758	4.665	0.031*	44.520
	Константа	−5.578	2.372	5.529	0.019	0.004

Примечание: 1. а) переменные, вводимые на шаге 1: фактор 6 – “стиль приспособления”, б) переменные, вводимые на шаге 2: фактор 3 – “индекс общей эмоциональности”; 2. * – значение коэффициента регрессии статистически значимо ($p < 0.05$); R^2 Нейджелкерка – 0.689.

Таблица 10. Коэффициенты уравнения бинарной логистической регрессии для определения вероятности выбора копинг-стратегии “активное избегание” в зависимости от факторов (предикторов) в группе удмуртов *низкоактивных* в межкультурном взаимодействии

		<i>B</i> (коэффициент регрессии)	<i>S.E.</i> (стандартная ошибка)	<i>Wald</i> (Вальдовский)	<i>Sig.</i> (Значимость)	<i>Exp(B)</i>
Шаг1 ^a	Фактор 3	1.346	0.594	5.141	0.023*	3.844
	Константа	-1.856	0.577	10.356	0.001	0.156

Примечание: 1. переменные, вводимые на шаге 1: фактор 3 – “личностные трудности”; 2. * – значение коэффициента регрессии статистически значимо ($p < 0.05$); R^2 Нейджелкерка – 0.298.

- механизм усиления (например, табл. 6),
- механизм сцепления (связка с другими незначимыми предикторами),

2) Понижение вероятности выбора адаптивных и относительно адаптивных стратегий:

механизм снятия (снятие адаптивных и относительно адаптивных стратегий) (например, табл. 7, 8);

3. *Компенсаторные* копинг-механизмы:

1) Равновесность резерва и ресурса совладания:

- механизм компенсации (например, табл. 9);

4. *Неэффективные* копинг-механизмы:

1) Повышение вероятности выбора неадаптивных стратегий:

- механизмы усиления (например, табл. 10),
- механизмы сцепления (связка с другими незначимыми предикторами) (например, табл. 11).

Согласно результатам, как у *высокоактивных*, так и у *низкоактивных* испытуемых во внутрикультурной коммуникации преимущественно задействованы конструктивные копинг-механизмы “снятия” (см. табл. 7). В межкультурной коммуникации у *высокоактивных* чаще всего включаются механизмы: эффективные – усиления (см. табл. 4), ингибирования (см. табл. 5); конструктивные – усиления, снятия (см. табл. 8); компенсаторные – компенсации (см. табл. 9), а у *низкоактивных* механизмы: конструктивные – усиления (см. табл. 6), снятия; неэффективные – усиления (см. табл. 10), сцепления (см. табл. 11).

Модель в целом и ее коэффициенты статистически значимы ($p < 0.05$), величина R^2 Нейджелкерка составляет 0.366, корректность прогнозирования модели – 88.2%. Предиктор “индекс общей эмоциональности” (функциональный резерв) увеличивает вероятность выбора стратегии “протест” (эмоциональная, адаптивная) в 5.4 раза.

Модель в целом и отдельные ее коэффициенты статистически значимы ($p < 0.05$), величина R^2 Нейджелкерка составляет 0.699, корректность прогнозирования модели – 90.9%. Предикторы “сотрудничающий-конвенционный” (интерсубъектный ресурс), “оперативные трудности” (субъектный ресурс, рефлексивно-оценочный компонент) уменьшают вероятность выбора стратегии “самообвинение” (эмоциональная, неадаптивная) соответственно на 8.1% и на 10.9%.

Модель в целом и ее коэффициенты статистически значимы ($p < 0.05$), величина R^2 Нейджелкерка составляет 0.202, корректность прогнозирования модели – 80.6%. Предиктор “индекс общей активности” (функциональный резерв) увеличивает вероятность выбора стратегии “компенсация” (поведенческая, относительно адаптивная) в 2.54 раза.

Модель в целом и ее коэффициенты статистически значимы ($p < 0.05$), величина R^2 Нейджелкерка составляет 0.324, корректность прогнозирования модели – 87.1%. Предиктор “зависимый-послушный” (интерсубъектный ресурс) уменьшает вероятность выбора стратегии “сохранение самообладания” (когнитивная, адаптивная) на 18.3%.

Модель в целом и отдельные ее коэффициенты статистически значимы ($p < 0.05$), величина R^2 Нейджелкерка составляет 0.527, корректность прогнозирования модели – 97.1%. Предиктор “социоцентричность” (субъектный ресурс) уменьшает вероятность выбора стратегии “проблемный анализ” (когнитивная, адаптивная) на 11%.

Модель в целом и отдельные ее коэффициенты статистически значимы ($p < 0.05$), величина R^2 Нейджелкерка составляет 0.689, корректность прогнозирования модели – 94.1%. Предиктор “индекс общей эмоциональности” (функциональный резерв) уменьшает на 2.6%, а предиктор “приспособление” (интерсубъектный ресурс) увеличивает

Таблица 11. Коэффициенты уравнения бинарной логистической регрессии для определения вероятности выбора копинг-стратегии “отступление” в зависимости от факторов (предикторов) в группе русских *низкоактивных* в межкультурном взаимодействии

		<i>B</i> (коэффициент регрессии)	<i>S.E.</i> (стандартная ошибка)	<i>Wald</i> (Вальдовский)	<i>Sig.</i> (Значимость)	<i>Exp(B)</i>
Шаг1 ^а	Фактор 6	1.057	0.581	3.314	0.069	2.878
	Константа	-2.644	0.773	11.706	0.001	0.071
Шаг2 ^б	Фактор 4	2.719	1.557	3.051	0.081	15.171
	Фактор 6	1.892	0.902	4.402	0.036*	6.633
	Константа	-4.933	2.133	5.349	0.021	0.007

Примечание: 1. а) переменные, вводимые на шаге 1: фактор 6 – “независимый-доминирующий”, б) переменные, вводимые на шаге 2: фактор 4 – “индекс общей эмоциональности”; 2. * – значение коэффициента регрессии статистически значимо ($p < 0.05$); R^2 Нейджелкерка – 0.619.

в 44.52 раза вероятность выбора стратегии “пассивная кооперация” (эмоциональная, относительно адаптивная).

Модель в целом и отдельные ее коэффициенты статистически значимы ($p < 0.05$), величина R^2 Нейджелкерка составляет 0.298, корректность прогнозирования модели – 80.6%. Предиктор – “личностные трудности” (субъектный ресурс) увеличивает вероятность выбора стратегии “активное избегание” (поведенческая, неадаптивная) в 3.84 раза.

Модель в целом и отдельные ее коэффициенты статистически значимы ($p < 0.05$), величина R^2 Нейджелкерка составляет 0.619, корректность прогнозирования модели – 93.5%. Предиктор “независимый-доминирующий” (интерсубъектный ресурс) увеличивает вероятность выбора стратегии “отступление” (поведенческая, неадаптивная) в 6.63 раза.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Установлено, что *высокоактивные* удмурты выделяются более высокими значениями по формально-динамическим шкалам коммуникативной активности во взаимоотношениях со своим народом и выраженностью альтруистических побуждений (мотивационный компонент общительности) с преобладанием конформных установок в отношениях с представителями других этногрупп. В свою очередь *высокоактивные* русские отличаются активным типом саморегуляции (регуляторный компонент общительности) с кооперативными намерениями разрешения проблемной ситуации в большей степени в отношениях со “своими”, нежели с “другими”. Это

позволяет говорить о потенциальных возможностях психодинамических свойств выступить в качестве функционального резерва (например, у *высокоактивных* удмуртов в отношениях со “своими”), а личностных и социально-психологических качеств – стать ресурсами (например, у *высокоактивных* русских в отношениях со “своими” и *высокоактивных* удмуртов в отношении с “другими”), определяя диапазон регулятивных возможностей и направление их реализации в культурной коммуникации.

Результаты факторизации показателей психодинамических, личностных и социально-психологических свойств позволили создать конструкт потенциальной возможности преодоления трудностей в культурной коммуникации.

Вероятно, что в отношении со “своими” определяются запасы (средства, к которым обращаются в необходимом случае) как резервные возможности, связанные с интенсивностью и скоростью протекания психических процессов (см. [5, с. 171]), что обеспечивает реализацию активности в совместном преодолении трудностей и придает устойчивость к вызовам, исходящим извне. Целесообразность использования резервных возможностей (энергетических, психодинамических) сочетается с динамикой гомеостаза, обеспечивающего сохранение и поддержание оптимальных условий функционирования психики в процессе реализации разнообразных форм деятельности [12]. В отношениях с представителями других этногрупп у *высокоактивных* испытуемых значительная роль отводится активности, проявляющейся в стремлении к совместной деятельности, установлению аффилиативного общения. Великодушные в плане порицания себя за содеянное чаще всего используется как потенци-

альная возможность уйти от конфликтной ситуации у *низкоактивных* испытуемых.

Обнаруженные в данном исследовании кросс-культурные различия подтверждают, что этнопсихологические особенности как идеальные качества, культивируемые в этнических сообществах, в сущности, вбирают в себя механизмы психологической защиты и совладания, в случае возникшей угрозы извне направленные на ее преодоление. Так, эмоциональная сдержанность, высокий самоконтроль и нормативность поведения, придающие уверенность и чувство безопасности, как отличительные характеристики удмуртов отводят их от конфликтных ситуаций в межэтнических отношениях. Социальность и открытость, способность легко и беспрепятственно включаться в коммуникативный процесс и устанавливать межличностные контакты у русских удерживают и не доводят проблемную ситуацию до критической [2, 25].

По данным частотного анализа копинг-стратегий можно заключить, что представители удмуртского и русского народов, проживающие на единой территории, достаточно оптимистично настроены на благоприятный исход любой трудной ситуации в межэтнических отношениях.

Полученные данные подтвердили ожидаемые результаты о том, что стратегии активного социального взаимодействия в большей мере используются *высокоактивными* субъектами, тогда как неадаптивные стратегии совладания (пассивные формы поведения вне достижимости целей) зафиксированы у *низкоактивных* (см. [35]) и в большей степени в отношениях с “другими”. Отметим, что в межкультурной коммуникации *высокоактивными* чаще используются поведенческие стратегии, а *низкоактивными* – эмоциональные. Так, по мнению авторов [33], если человек способен эффективно влиять на ситуацию, то его потенции будут обеспечивать адекватное копинговое поведение. В другом случае, если отсутствует возможность избегания ситуации и влияния на нее, то функционально адекватной копинговой реакцией является или когнитивная переоценка, переосмысление ситуации, или неадекватные эмоции, нарушающие адаптивные реакции организма.

Полученные данные свидетельствуют о том, что копинг-поведение можно рассматривать как модель этнотипического поведения представителей культурных сообществ. Так, по результатам исследования, удмурты с *высокой* активностью в преодолении трудностей в случае деструктивного исхода как бы то ни было могут взять вину на

себя и признать ответственность (переход в безопасную зависимую позицию с оправданием). Равным образом безропотное принятие жизненной участи является ценностью язычества как основы религиозно-мифологических представлений удмуртского народа. При анализе народного эпоса учеными отмечается формирование в этногенезе удмуртов таких психологических особенностей, как довольствование гарантированным минимумом, неприхотливость, отказ от чрезмерных желаний и высокая адаптивность, покорность судьбе, умение видеть главное в соблюдении заветов и предписанных норм [25].

В отношении *высокоактивных* русских следует выделить их высокую потребность в эмоциональной поддержке, стремлении быть выслушанными, обрести содействие и понимание. Данные согласуются с ранее установленными чертами типичного русского, к которым причисляются эмоциональная сензитивность в межличностном взаимодействии, потребность в аффилиации, теплых доверительных отношениях с людьми, где честность, искренность и преданность наделяются личностной значимостью [13, 24].

В результате проведения процедуры бинарной логистической регрессии были выявлены механизмы (функционально-целевые), реализующие копинг-поведение своеобразным способом в зависимости от резервных и ресурсных возможностей человека. Полученные данные указывают на то, что продуктивное копинг-поведение в культурной коммуникации запускается эффективными, конструктивными и компенсаторными копинг-механизмами: усиления, ингибирования, снятия и компенсации в согласовании с резервными и ресурсными возможностями субъектов коммуникации. В ситуации межкультурного взаимодействия диапазон задействованных копинг-механизмов шире, при этом у *высокоактивных* испытуемых совладающее поведение в большей мере запускается эффективными механизмами (усиления, ингибирования), а у *низкоактивных* включаются неэффективные (усиления, сцепления).

В ходе обобщения результатов установлено, что в проблемной ситуации культурной коммуникации в большей мере реализует себя механизм снятия адаптивных и относительно адаптивных копинг-стратегий. Обращает на себя внимание тот факт, что выявленный механизм в буквальном смысле снимает определенные копинг-стратегии (теряется их целесообразность) за счет мобилизации культурно обусловленных ресурсов (этнопсихологических особенностей). Так, “зависимый-послушный” тип межличностных отношений

(интерсубъектный ресурс) у удмуртов снижает вероятность выбора (снятие) стратегии “сохранение самообладания” (когнитивная, адаптивная) (см. табл. 7), “социоцентричность” (субъектный ресурс) русских снижает вероятность выбора (снятие) стратегии “проблемный анализ” (когнитивная, адаптивная) (см. табл. 8).

Полученные данные согласуются с ранее установленными фактами, которые демонстрируют характерность аффективного стиля для коммуникации удмуртов, что проявляется в приспособлении к чувствам окружающих с высоким контролем собственных эмоций, интуитивном понимании ситуации, отсутствии навязывания своей точки зрения, чтобы как можно точнее понять говорящего, учитывая его переживания и намерения. Для русских, стремящихся к реализации инструментального стиля коммуникации, ориентированного на активное взаимодействие со средой, убеждение собеседника в необходимости коммуникации, придание значимости осмыслению и переосмыслению информации, рациональность и рассудочность используются в достижении поставленных целей. В межличностном взаимодействии удмурты стремятся учитывать потребности других для установления групповой гармонии, русские же склонны отстаивать свои позиции и собственное мнение [25].

Допускаем, что с такой ресурсообеспеченностью снимается необходимость в дополнительных усилиях для сохранения самообладания у удмуртов и потребность в проблемном анализе ситуации у русских в противодействии факторам, несущим угрозу в дестабилизации межэтнических отношений. Вероятно, мощность ресурсов (этнопсихологических особенностей) достаточна для противостояния вызовам и рискам без дополнительных усилий (способов совладания), т.к. сам по себе копинг включен в этнотипические модели поведения.

Более того, обнаружен компенсаторный механизм инверсионного характера потенциала культурной коммуникации в проблемной ситуации у *высокоактивных* испытуемых. А именно, во внутрикультурной коммуникации при высокой выраженности психодинамических свойств (потенциала) личностные и социально-психологические свойства становятся предикторами копинг-поведения, а значит, субъектным и интересубъектным ресурсом совладания и, наоборот, при высокой выраженности личностных и социально-психологических свойств (потенциала) в качестве предикторов совладающего поведения выступают психодинамические свойства, т.е. функциональ-

ный резерв. В этом случае механизм приводит к экономии потенциала с использованием возможностей разных уровней регуляции субъектной активности. В межкультурном взаимодействии при заниженном психодинамическом потенциале в ряду предикторов появляются психодинамические свойства (функциональный резерв). Аналогично, при низкой выраженности определенных личностных и социально-психологических свойств в состав воздействующих факторов совладающего поведения включаются свойства указанных уровней, тем самым получая статус субъектного и интересубъектного ресурса копинга. Очевидно, этот механизм реализует восполнение потенциала на определенных уровнях регуляции субъектной активности.

ВЫВОДЫ

1. Копинг-механизмы представляют собой способы реализации поведения по преодолению трудной жизненной ситуации в согласовании копинг-стратегий с резервными и ресурсными возможностями человека. Функционально-целевое назначение копинг-механизмов заключается в поддержании и сохранении баланса между требованиями среды и резервами/ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям. Механизмы продуктивного копинг-поведения (усиления, ингибирования, снятия, компенсации) вскрывают актуализацию потенциальных возможностей совладания (психодинамических, личностных и социально-психологических свойств) в качестве функционального резерва, субъектного и интересубъектного ресурса в проблемной ситуации культурной коммуникации.

2. Механизм “снятия” приводит к снижению вероятности выбора адаптивных и относительно адаптивных копинг-стратегий в проблемной ситуации культурной коммуникации в силу ресурсных возможностей субъектов коммуникации – этнопсихологических особенностей (этнотипических моделей поведения и стилей коммуникации), вбирающих в себя выработанные в процессе культурно-исторического развития человеческого сообщества продуктивные способы совладания с трудностями.

3. Вскрыт компенсаторный механизм потенциала продуктивной культурной коммуникации в проблемной ситуации по инверсионному типу (инверсионного балансирования потенциала, резервов и ресурсов совладания). Если в проблемной ситуации внутрикультурной коммуникации при высоком психодинамическом потенциале

роль предикторов совладания выполняют субъектный и интерсубъектный ресурсы и наоборот (экономия потенциала), то в проблемной ситуации межкультурной коммуникации низкие потенциальные возможности при совладании компенсируются высокими ресурсами того же уровня регуляции субъектной активности (восполнение потенциала).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психол. журн. 2014. Т. 35. № 2. С. 5–18.
2. Алик Ю., Миттус Р., Реало А., Пуллманн Х., Трифонова А., МакКрэй Р.Р., Мецзяков Б.Г. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 2–18.
3. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.
4. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР-СЭ, 2006.
5. Бодров В.А. Профессиональное утомление: Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
6. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.
7. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004.
8. Крюкова Т.Л. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 2. С. 5–15.
9. Крюкова Т.Л. Социальные представления и установки как факторы совладания с трудностями межкультурного диалога россиян и европейцев // Вестник РГНФ. 2010. № 1. С. 157–166.
10. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.
11. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003.
12. Медведев В.И., Зараковский Г.М. Психофизиологический потенциал как фактор устойчивости популяции в условиях глобальных изменений природной среды и климата // Физиология человека. 1994. Т. 20. № 6. С. 5–15.
13. Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: Кросскультурный аспект // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 101–109.
14. Посохова С.Т. Личностные феномены адаптации // Здоровая личность / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2013. С. 276–295.
15. Ратанова Т.А., Шляхта Н.Ф. Психодиагностические методы изучения личности. Учебное пособие. Библиотека школьного психолога. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998.
16. Русалов В.М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ): методическое пособие. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1997.
17. Сергиенко Е.А. Субъектная регуляция совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008. С. 67–83.
18. Сергиенко Е.А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования. 2009. № 5 (7). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/223-sergienko7.html> (дата обращения 08.03.2015).
19. Столяренко Л.Д. Основы психологии: Практикум. Изд-е 7-е. Ростов н/Д: Феникс, 2006.
20. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
21. Толочек В.А. Интерсубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной деятельности // Социология и управление персоналом. 2011. № 2. С. 48–61.
22. Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Дисс. ... докт. психол. н. М., 2014.
23. Хотинец В.Ю. Психологические и культурные факторы этнотипического поведения // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 2. С. 33–44.
24. Хотинец В.Ю. Со-бытие культур. Психологические универсалии в культурном многообразии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
25. Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 99–108.
26. Хотинец В.Ю. Методологические основы этнической и кросскультурной психологии: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2012.
27. Хотинец В.Ю., Молчанова Е.А. Опосредующая роль этнического образа в межэтнических отношениях // Психол. журн. 2014. Т. 35. № 3. С. 40–57.
28. Aldwin C.M. Stress, Coping, and Development. An Integrative Perspective (2nd ed.). New York: Guilford Press, 2009.

29. Coyne J.C., Aldwin C., Lazarus R.S. Depression and Coping in stressful episodes // *Journal of Abnormal Psychology*. 1981. V. 90. P. 439–447.
30. Folkman S., Moskowitz J.T. Positive affect and the other side of coping // *American Psychologist*. 2000. V. 55 (6). P. 647–654.
31. Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. Variations in Value Orientations. Evanston, Illinois: Row, Peterson and Company, 1961.
32. Lazarus R.S. Toward better research on stress and coping // *American Psychologist*. 2000. V. 55 (6). P. 665–673.
33. Perrez M., Reicherts M. Stress, coping and health. A situation-Behaviour approach, theory, methods, applications. Seattle; Toronto; Bern: Hogrefe and Huber Publishers, 1992.
34. Schwartz S. Mapping and interpreting cultural differences around the world // *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective* / Eds. H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. Brill, 2004.
35. Vasyura S.A., Korobeynikova Y.P. The communicative activity as the coping resources of the individual // *European Applied Sciences*. 2013. № 5. P. 139–141.

PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF PRODUCTIVE COPING-BEHAVIOR IN PROBLEM COMMUNICATIVE SITUATIONS

V. Yu. Khotinets*, Y. P. Korobeynikova**

* *Honoured Scientist of UR, Sc.D.(psychology), professor, head of general psychology chair, Institute of pedagogics, psychology and social technologies, Udmurt State University, Izhevsk,*

** *post-graduate student, the same place.*

Coping-mechanisms as ways of realization of behavior in difficult life situation's overcoming in coordination of coping-strategies with man's reserve and resource potential are examined. The hypothesis that type of relations between ethnic subjects' resource potential and coping-strategies manifest itself in ethno-typical peculiarities of coping behavior have been tested ($N = 168$ Udmurts and Russians). The results of study of mechanisms of productive coping-behavior – intensification, inhibition, removal, compensation – that reveal actualization of coping potential possibilities (psychodynamic, personal and socio-psychological qualities) as a functional reserve, subject and inter-subject recourses in the problem situation of cross-cultural communication are presented. Compensatory mechanism of potential for productive cultural communication in the problem situation as inversion (inversion balancing of potential, reserve and recourses of coping) are shown.

Key words: cultural communication, productive coping-behavior, potential, reserves and resources of coping, productive coping-strategies, coping-mechanisms, cultural causes for coping, Udmurts, Russians